

rocketbook

Брэм Стокер

Гость Дракулы

Pocket Books

Брэм Стокер

Гость Дракулы (сборник)

«ЭКСМО»

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Стокер Б.

Гость Дракулы (сборник) / Б. Стокер — «Эксмо», — (Pocket Books)

ISBN 978-5-04-099090-0

Сборник мистических рассказов Брэма Стокера, автора культового романа о зловещем вампире графе Дракуле. Заглавный рассказ «Гость Дракулы» сюжетно предваряет основное действие «Дракулы» и изначально являлся одной из его глав; впоследствии был опубликован вдовой писателя вместе с остальными, леденящими кровь, историями. Смертельно опасные приключения в Вальпургиеву ночь, встречи с жуткими призраками и демоническими существами, предательство и возмездие судьбы... Только не читайте на ночь!

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-099090-0

© Стокер Б.

© Эксмо

Содержание

Предисловие	6
Гость Дракулы	7
Дом Судьи	14
Скво	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Брэм Стокер

Гость Дракулы

© Савельев К., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Моему сыну

Предисловие

За несколько месяцев до прискорбной смерти моего мужа – можно сказать, когда смертная тень уже простерлась над ним, – он подготовил для публикации три серии рассказов, и эта книга представляет собой одну из них.

К первоначальному списку рассказов я добавила еще не опубликованный эпизод из «Дракулы». Ранее он был удален из-за большого объема книги, но может оказаться интересным для многочисленных читателей романа, который считается самым значительным литературным произведением моего мужа.

Другие рассказы уже были опубликованы в английских и американских периодических изданиях.

Если бы мой муж прожил дольше, возможно, он счел бы уместным переработать этот эпизод, написанный в более ранний период его напряженной жизни. Но поскольку волею судеб я оказалась распорядительницей его наследия, то решила, что будет логично и правильно издать текст практически в том виде, в каком он его оставил.

Флоренс Брэм Стокер

Гость Дракулы

Когда мы отправились в путь, солнце ярко сияло над Мюнхеном, и воздух был напоен ароматами раннего лета. Перед самым отъездом герр Дельбрюк (метрдотель гостиницы «Времена года», где я остановился) с непокрытой головой спустился к экипажу, и, пожелав мне приятной поездки, обратился к кучеру, еще придерживавшему дверцу кареты:

– Помни, что ты должен вернуться до наступления темноты. Небо выглядит безоблачным, но с севера задувает зябкий ветер, который может предвещать внезапную бурю. Но я уверен, что ты не опоздаешь, – тут он улыбнулся и добавил: – Ты же знаешь, каково бывает этой ночью.

– Ja, mein Herr! ¹ – выразительно отозвался Иоганн и, прикоснувшись к шляпе, быстро тронулся с места. Когда мы выехали из города, я жестом попросил его остановиться и спросил:

– Скажи, Иоганн, а какая сегодня будет ночь?

– Вальпургиева ночь, – перекрестившись, лаконично ответил он. Потом он вынул свои часы – массивную и старомодную серебряную луковицу немецкой работы размером с брюкву – и посмотрел на циферблат. При этом он нахмурился и нетерпеливо пожал плечами. Я понял, что таким образом он выражает вежливый протест по поводу нецелесообразной задержки, и опустил на сиденье, давая понять, что можно продолжить поездку. Он быстро тронулся с места, словно пытаясь возместить потерю времени. Время от времени лошади вскидывали головы, с подозрением нюхали воздух. В таких случаях я начинал тревожно оглядываться по сторонам. Дорога была унылой, ибо мы пересекали высокое, продуваемое всеми ветрами плато. Пока мы ехали, я заметил боковую дорогу, которая выглядела мало используемой и спускалась в небольшую извилистую долину. Она имела такой привлекательный вид, что я снова велел Иоганну остановиться, даже рискуя навлечь на себя его недовольство. Когда он сделал это, я сказал, что хочу проехать по боковой дороге. Он стал придумывать всевозможные отговорки и часто крестился при разговоре. Это лишь подстегнуло мое любопытство, поэтому я стал задавать ему разные вопросы. Он отвечал уклончиво и регулярно поглядывал на часы в знак протеста.

– Ну что же, Иоганн, я хочу спуститься по этой дороге, – наконец сказал я. – Не буду предлагать тебе присоединиться ко мне, если сам не захочешь, но тогда расскажи, почему она тебе не нравится. Это все, о чем я прошу.

Вместо ответа он спрыгнул с козел, как чертик из коробки, – с такой скоростью он оказался на земле. Он умоляюще протянул руки и стал упрашивать меня отказаться от этого намерения. Английские слова в его речи были так перемешаны с немецкими, что я едва мог понять его. Он как будто хотел рассказать мне о чем-то, но сама мысль о поездке настолько пугала его, что он каждый раз останавливался и начинал креститься со словами:

– Вальпургиева ночь!

Я пытался спорить с ним, но бесполезно спорить с человеком, если не знаешь его языка. Преимущество определенно было на его стороне, ибо хотя сначала он говорил по-английски, грубо коверкая слова, но потом начинал волноваться и переходил на родной язык, каждый раз при этом поглядывая на часы. Потом лошади забеспокоились и снова стали нюхать воздух. Кучер сильно побледнел, испуганно огляделся и потом вдруг устремился вперед, взял лошадей под уздцы и отвел их в сторону примерно на двадцать футов. Я пошел следом и поинтересовался, почему он это сделал. Вместо ответа он снова перекрестился, указал на место, которое мы покинули, и сказал сначала по-немецки, а потом по-английски:

– Похоронили его, – того, кто убил себя.

¹ Да, сударь! (нем.)

Я вспомнил о старом обычае хоронить самоубийц на перекрестках дорог.

– А, теперь понятно. Самоубийство, как интересно! – Но я все равно не мог понять, почему лошади так испугались.

Пока мы разговаривали, то услышали странный звук: что-то среднее между визгом и лаем. Он донесся издали, но лошади буквально вскинулись из-за этого, и Иоганну пришлось приложить все свое умение, чтобы утихомирить их. Он был бледен и сказал:

– Похоже на волка, но сейчас здесь нет волков.

– Волки давно не появлялись так близко от города? – поинтересовался я.

– Давно, давно, – ответил он. – Весной и летом, но со снегом волки были здесь не так давно.

Пока он гладил лошадей и старался успокоить их, по небу быстро поплыли темные облака. Солнце исчезло, и нас коснулось дыхание холодного ветра. Но это было лишь касание, больше похожее на предупреждение, потому что вскоре солнце засияло снова. Иоганн посмотрел на горизонт, приложив руку козырьком ко лбу, и сказал:

– Снежная буря, она скоро придет, – потом он опять посмотрел на часы, и, крепко удерживая поводья – потому что лошади по-прежнему беспокойно переступали копытами и мотали головами, – забрался на козлы, как будто настало время продолжить нашу поездку.

Я все еще упрямыствовал и не захотел сразу садиться в экипаж.

– Расскажи мне, куда ведет эта дорога, – произнес я и указал туда.

Он снова перекрестился и пробормотал молитву, прежде чем ответить.

– Это нечестивое место.

– Какое место? – спросил я.

– Деревня.

– Значит, там есть деревня?

– Нет, нет. Никто там не живет уже сотни лет.

Мое любопытство взмыло до небес.

– Но ты сказал, что там была деревня.

– Была.

– Где она теперь?

Тогда он завел длинный рассказ, настолько мешая английскую речь с немецкой, что я не вполне понимал, о чем он говорит. Но приблизительно я уловил, что давным-давно, сотни лет назад, там умерло много людей. Они были похоронены, но из-под глины доносились странные звуки, и когда могилы открыли, женщины и мужчины в гробах оказались румяными и не затронутыми тлением, а их рты были наполнены кровью. Торопясь спасти свою жизнь (и свои души, – перекрестившись, добавил он), те, кто остался, бежали в другие места, где жили люди, а мертвые были мертвецами... а не чем-то иным. Он особенно боялся произнести эти последние слова. По мере продолжения рассказа он волновался все сильнее и сильнее. Казалось, будто воображение захватило его в плен, и когда он закончил, то буквально трясся от страха – бледный, потеющий и оглядывающийся по сторонам, словно ожидая появления какого-то чудовищного существа прямо здесь, на открытой равнине под ярким солнцем. Наконец, охваченный мучительным отчаянием, он воскликнул «Вальпургиева ночь!» и указал на карету, чтобы я уселся на место.

Моя английская кровь восстала против этого, так что я отступил назад и сказал:

– Ты боишься, Иоганн, – ты слишком напуган. Поезжай домой, а я вернусь один; прогулка мне не повредит.

Дверь экипажа была открытой. Я взял свою дубовую прогулочную трость, лежавшую на сиденье, потому что всегда беру трость на экскурсии в отпуске, и закрыл дверь. Указав в сторону Мюнхена, я добавил:

– Отправляйся домой, Иоганн; Вальпургиева ночь не пугает англичан!

Лошади еще больше беспокоились, и Иоганн пытался удержать их, взволнованно умоляя меня не совершать подобной глупости. Я жалел этого беднягу, который так искренне старался помочь мне, но все же не мог удержаться от смеха. В своей тревоге и расстройстве он забыл о единственном способе взаимопонимания между нами и теперь лопотал на своем родном языке. Это становилось немного утомительным.

– Домой! – велел я ему и направился к перекрестку дорог, ведущему в долину.

С отчаянным жестом Иоганн повернул лошадей к Мюнхену. Я оперся на трость и посмотрел ему вслед. Некоторое время он двигался медленно; потом на гребне холма появился высокий и худой человек – большего я не мог различить на таком расстоянии. Когда он приблизился к лошадям, те начали гарцевать на месте и лягаться, а потом заржали от ужаса. Иоганн не мог удержать их; они рванули с места, убегая как безумные. Я проводил их взглядом, потом искал незнакомца, но он тоже исчез.

С легким сердцем я повернул на боковую дорогу и начал спускаться в долину, так пугавшую Иоганна. Насколько я мог видеть, для его протестов не было ни малейшей причины. Целых два часа я шагал, не думая о времени или расстоянии, и не заметил ни одного человека или дома. Там царило сплошное запустение. Я не обращал на это особого внимания, пока не оказался за поворотом дороги на краю леса; тогда я осознал, что глубоко впечатлен этой безлюдной пустошью.

Я присел, чтобы отдохнуть и осмотреться. Меня удивило, что здесь было гораздо холоднее, чем в начале моей прогулки. Вокруг слышались приглушенные вздохи, а потом откуда-то сверху послышался глухой рев. Посмотрев туда, я заметил плотные темные облака, быстро двигавшиеся по небу с севера на юг на большой высоте. Это был признак надвигающейся бури. Я немного продрог, но решил, что это следствие остановки после энергичной прогулки, и продолжил ходьбу.

Местность, по которой я проходил, теперь стала гораздо более живописной. Там не было необычных объектов, привлекавших внимание, но на всем лежал отпечаток тихой красоты. Я почти не следил за временем, и только в густеющих сумерках начал задумываться о том, как найду дорогу домой. Яркий день погас. Воздух был холодным, и облака над головой двигались еще быстрее, чем раньше. Они сопровождалась отдаленными шорохами и тем таинственным звуком, который, по словам кучера, исходил от волков. Какое-то время я колебался. Я внушил себе, что должен увидеть заброшенную деревню, поэтому двинулся дальше и вышел на открытое место, со всех сторон окруженное холмами. Их склоны поросли деревьями, которые спускались в долину, усеянную мелкими рощами, с увалами и седловинами здесь и там. Я посмотрел вперед и увидел, что дорога изгибается возле одной из самых густых рощ и теряется за ней.

Пока я смотрел, стало еще холоднее, и внезапно пошел снег. Я подумал о нескольких милях, пройденных по этой дикой местности, а потом поспешил найти укрытие в лесу перед собой. Небо становилось все темнее, а снег шел все быстрее и гуще, пока земля впереди и вокруг меня не превратилась в блестящий белый ковер, дальний край которого терялся в туманной мгле. Дорога осталась, но ее границы были размыты, и вскоре я обнаружил, что каким-то образом сошел с нее, ибо под ногами исчезла твердая поверхность и они стали погружаться в мох и траву. Потом ветер задул сильнее и превратился в бурю, так что я был вынужден бежать под его натиском. Воздух стал ледяным, и, несмотря на мои усилия, я начал замерзать. Снег падал так густо и кружился передо мной такими быстрыми вихрями, что мне едва удавалось держать глаза открытыми. То и дело небосвод раскалывали пополам огромные молнии, и в свете их вспышек я видел перед собой огромную массу деревьев, в основном тисов и кипарисов, покрытых слоями снега.

Вскоре я оказался под прикрытием деревьев, и здесь, в относительной тишине, слышал свист ветра наверху. Темнота снежной бури уже смыкалась с темнотой ночи. Пурга постепенно

затихала и возвращалась лишь яростными порывами и снежными зарядами. В такие моменты зловещий волчий вой как будто повторялся вместе со многими похожими звуками вокруг меня.

Время от времени через темную массу плывущих облаков пробивался случайный свет луны, освещавший местность и показывавший мне, что я нахожусь на окраине густой массы тисовых и кипарисовых деревьев. Когда снег прекратился, я вышел из укрытия и приступил к исследованиям. Мне показалось, что среди множества старинных фундаментов, мимо которых я проходил, может найтись дом, хотя и полуразрушенный, где я могу на время обрести кров. Обогнув край рощи, я увидел низкую стену, окружавшую ее, следуя вдоль которой вскоре нашел проем. Здесь кипарисы образовывали аллею, ведущую к какому-то квадратному сооружению. Но когда я заметил его, облака закрыли луну, и мне пришлось искать путь в темноте. Я ежилась от порывов холодного ветра, но слепо брел вперед в надежде на укрытие.

Я остановился, потому что казалось, будто мир вокруг меня тоже остановился. Буря миновала, и, наверное в гармонии с тишиной природы, мое сердце почти перестало биться. Но это длилось лишь мгновение; внезапно лунный свет прорвался через облака и показал, что я нахожусь на кладбище, а квадратный объект передо мной был массивной мраморной гробницей, такой же белой, как снег, лежавший вокруг нее. С лунным светом вернулся свирепый вздох бури, которая как будто возобновилась с долгим, протяжным воем, словно стая волков. Хотя мраморная гробница по-прежнему была озарена лунным сиянием, буря не стихала. Словно побуждаемый некими чарами, я приблизился к усыпальнице, желая увидеть, что она собой представляет и почему простояла здесь столько времени. Я обошел вокруг нее и прочитал надпись на немецком языке над дверью с дорическими колоннами:

ГРАФИНЯ ДОЛИНГЕН ИЗ ГРАЦА В СТИРИИ ИСКАЛА СМЕРТЬ И НАШЛА ЕЕ.
1801.

На вершине гробницы, состоявшей из нескольких громадных мраморных блоков, находился большой железный штык или кол, уходивший глубоко в камень. На обратной стороне я увидел надпись, выгравированную заглавными русскими буквами:

«Мертвецы движутся быстро»

В этом сооружении было нечто настолько жуткое и странное, что у меня голова пошла кругом. Я впервые пожалел, что не воспользовался советом Иоганна. Тут меня посетила мысль, которая стала ужасным потрясением: сегодня Вальпургиева ночь!

Вальпургиева ночь, когда – как верили миллионы людей – на земле воцарялась власть дьявола. Когда открывались могилы и мертвецы выходили наружу. Когда на земле, в воде и в воздухе творилось всевозможное зло. В том самом месте, которого особенно боялся мой кучер. В безлюдной деревне, покинутой сотни лет назад. Там, где лежат самоубийцы... а я был один, без оружия и дрожал от холода под снежным саваном, пока наверху ярилась буря! Я был вынужден призвать на помощь все свое мужество, все религиозные и философские убеждения, чтобы не рухнуть на месте в припадке ужаса.

Теперь вокруг меня закружился настоящий смерч. Земля сотрясалась, как от тысячи лошадиных копыт, и на этот раз ветер принес на своих ледяных крылах не снег, а град, пробиравший листья и ломавший ветви с такой яростью, словно градины были камнями, выпущенными свирепыми пращниками Балеарских островов, – градинами, которые сделали мое убежище под кипарисами не более надежным, чем соломенная крыша. Вскоре я был вынужден покинуть это укрытие и устремиться к единственному месту, предлагавшему надежный кров: к дверям гробницы с дорическими колоннами. Присев у массивной бронзовой двери, я получил определенную защиту от града, но теперь градины ударили в меня, отскакивая от земли и мраморных стен.

Когда я прислонился к двери, она немного подалась и открылась внутрь. Даже гробница казалась желанным убежищем посреди такой безжалостной бури, и я был готов войти туда, когда вспышка разветвленной молнии озарила небо от края до края. В тот миг, клянусь жизнью, когда мои глаза привыкли к темноте, я увидел прекрасную женщину с округлыми щеками и алыми губами, как будто спавшую в гробу. Когда раздался раскат грома, меня словно схватила рука великана и вышвырнула из гробницы. Все произошло так внезапно, что, прежде чем испытать шок – моральный и физический, – я пострадал от града, осыпавшего меня. В то же время я испытывал странное, но властное ощущение, что рядом кто-то есть. Я посмотрел на гробницу. Тогда последовала новая ослепительная вспышка, ударившая в железный кол, воткнутый в гробницу, и проникавшая в землю, кроша мрамор словно неугасимое пламя. Мертвая женщина восстала в момент агонии, когда она была объята пламенем, и ее крик боли потонул в громовых раскатах. Последним, что я слышал, было ужасающее смешение звуков, когда огромная рука снова схватила меня и потащила прочь под ударами града и звуками волчьего воя. Последнее, что я помню, – это размытая белая масса, как будто все окрестные могилы разверзлись и выпустили на волю призраков в погребальных саванах, которые наступали на меня сквозь пелену града пополам с дождем.

Постепенно ко мне вернулось смутное подобие сознания, а вместе с ним и ощущение жуткой усталости. Какое-то время я ничего не помнил, но затем постепенно пришел в чувство. Боль терзала мои ноги, но я не мог пошевелить ими. Они как будто онемели. В затылке и позвоночнике поселился ледяной холод, а уши словно отмерзли вместе с ногами, но тоже болели. При этом в моей груди разливалось тепло, и это ощущение было сладостным по сравнению с другими. Это был кошмар – физический кошмар, если можно воспользоваться таким выражением, ибо некая тяжесть, давившая мне на грудь, затрудняла дыхание.

Казалось что этот период ступора продолжался долгое время, и по мере его ослабления я, должно быть, заснул или снова потерял сознание. Потом наступила какая-то тошнота, похожая на первую стадию морской болезни, и дикое желание освободиться от чего-то... правда, я не знал, от чего именно. Полная тишина объела меня, как будто весь мир заснул или умер; ее нарушало лишь прерывистое дыхание какого-то животного рядом со мной. Я почувствовал теплое, щекочущее прикосновение к моему горлу, и тогда пришло осознание ужасной истины, от которой заledenело сердце, а кровь гулко застучала в висках. Какое-то огромное животное лежало на мне и лизало мое горло. Я боялся пошевелиться, поскольку инстинктивное благообразие убеждало меня оставаться неподвижным, но зверь как будто почувствовал произошедшую во мне перемену, потому что он поднял голову. Через прикрытые ресницы я видел наверху два горящих глаза громадного волка. Его острые белые клыки отливали лунным светом в зияющей красной пасти, и я ощущал на себе его горячее, едкое дыхание.

Еще какое-то время я ничего не помнил, а потом услышал низкое рычание, сопровождавшееся скулящими звуками. Затем издали донеслись крики: «Эй! Эй!», как будто от нескольких голосов, зовущих в унисон. Я осторожно приподнял голову и посмотрел в том направлении, откуда исходили звуки, но кладбище закрывало обзор. Волк продолжал странно скулить и повизгивать, а в кипарисовой роще появилось красное сияние, следовавшее за звуками. По мере приближения голосов волк заскулил громче и чаще. Я боялся подать голос или пошевелиться. Потом из-за деревьев внезапно появились всадники с факелами в руках. Волк слез с моей груди и побежал к кладбищу. Я увидел, как один из всадников (солдат, судя по их фуражкам и длинным армейским плащам) вскинул карабин и прицелился. Спутник толкнул его под локоть, и пуля прожужжала у меня над головой. Очевидно, он принял мое тело за притаившегося волка. Другой всадник заметил убегавшего зверя и выстрелил ему вслед. Потом они перешли на галоп и поскакали вперед, некоторые – ко мне, а другие преследовали волка, исчезавшего среди заснеженных кипарисов.

Когда они приблизились, я попытался двинуться с места, но остался бессилён, хотя мог видеть и слышать их вокруг себя. Двое или трое солдат спешили и опустились на колени рядом со мной. Один из них поднял мне голову и приложил ладонь к моему сердцу.

– Хорошая новость, друзья! – воскликнул он. – Его сердце еще бьется!

Потом мне в рот влили глоток бренди; это придало мне бодрости, так что я смог полностью открыть глаза и оглядеться вокруг. Огни и тени двигались между деревьев, и я слышал, как мужчины перекликаются друг с другом. Вскоре они собрались вместе, издавая удивленные и испуганные возгласы. Вспыхнули новые огни, когда остальные беспорядочной толпой повалили с кладбища, словно одержимые. Люди вокруг меня начали задавать вопросы:

– Ну как, вы нашли его?

– Нет, нет! – торопливо ответил он. – Нужно уходить отсюда, и побыстрее. Здесь нельзя оставаться, особенно в такую ночь!

– Что это было? – вопрос задавался на все лады, но ответы были уклончивыми и неопределенными, как будто люди хотели выговориться, но под воздействием какого-то общего испуга воздерживались от откровенного выражения своих мыслей.

– Это... это... в жизни такого не видел! – проямлил один из них, чье самообладание явно дало трещину.

– Волк, и все-таки не волк! – с содроганием произнес другой.

– Бесполезно охотиться на него без серебряных пуль, – добавил третий более сдержанным тоном.

– Хорошо, что мы выступили сегодня вечером! – воскликнул четвертый. – Теперь мы честь по чести заслужили свою тысячу марок!

– На разбитом мраморе была кровь, – произнес еще один после некоторой паузы. – Она не могла появиться от удара молнии. А он... с ним все в порядке? Посмотрите на его горло! Видите, друзья, – волк лежал на нем и согревал его!

– С ним все в порядке; кожа цела, – ответил офицер, посмотрев на мое горло. – Что все это значит? Мы никогда бы не нашли его, если бы волк не скулил.

– Что стало со зверем? – спросил человек, который держал мою голову и который казался наименее затронутым общей паникой, потому что его руки были крепкими и не дрожали. На его рукаве был шеврон унтер-офицера.

– Он отправился в свое логово, – ответил человек с мертвенно-бледным узким лицом, буквально дрожавший от ужаса и нервно оглядывавшийся по сторонам. – Тут достаточно могил, куда он может залечь. Давайте поскорее уйдем отсюда, друзья! Нужно покинуть это проклятое место.

Офицер привел меня в сидячее положение, а затем по его команде несколько человек усадили меня на лошадь. Он забрался в седло у меня за спиной, обнял так, чтобы я не упал, и отдал приказ к отступлению. Отвернувшись от кипарисов, мы поскакали прочь от кладбища в армейском строю.

Язык все еще отказывался служить мне, и я был вынужден хранить молчание. Должно быть, я заснул, ибо в следующий момент обнаружил себя стоящим и поддерживаемым солдатами по обе стороны от меня. Было уже почти светло, и на севере отражалась красная полоска солнечного света, похожая на пролитую кровь над заснеженной равниной. Офицер внушал своим подчиненным ничего не говорить о том, что они видели, не считая того, что они обнаружили неизвестного англичанина под охраной большой собаки.

– Собака! – фыркнул тот человек, который испугался больше остальных. – Это была не собака. Я могу узнать волка, когда вижу его.

– Я сказал «собака», – спокойно произнес молодой офицер.

– Собака! – иронично повторил другой солдат. Было очевидно, что его смелость поднимается вместе с солнцем. Он указал на меня и добавил: – Посмотрите на его горло. Разве это собачья работа, командир?

Я рефлекторно поднял руку к горлу, но когда прикоснулся к нему, то вскрикнул от боли. Люди собрались вокруг, чтобы посмотреть; некоторые спешили, но тут снова раздался голос молодого офицера:

– Как я и сказал, это была собака. Если кто-то скажет иное, над нами будут смеяться.

Потом меня усадили за всадником, и мы въехали в пригороды Мюнхена. Здесь мы нашли свободный экипаж, куда меня перенесли и отвезли в гостиницу «Времена года». Молодой офицер сопровождал меня; следом ехал солдат, ведущий в поводу его лошадь, а остальные ускакали в свои казармы.

По прибытии герр Дельбрюк так быстро вышел на крыльцо, чтобы встретить меня, что не оставалось сомнений: он наблюдал за нами изнутри. Он взял меня под руку и услужливо провел внутрь. Офицер отсалютовал мне и уже собирался уйти, когда я осознал его намерение и настоял на том, чтобы он поднялся в мои комнаты. За бокалом вина я тепло поблагодарил его самого и его храбрых товарищей за свое спасение. Он ответил, что очень рад этому и что герр Дельбрюк с самого начала предпринял всяческие меры для организации и обеспечения поискового отряда; при этих двусмысленных словах метрдотель улыбнулся, а офицер сослался на служебные дела и ушел.

– Герр Дельбрюк, – начал я. – Как и почему эти солдаты отправились искать меня?

Он пожал плечами, словно не одобряя свой поступок, и ответил:

– Мне повезло, что я смог обратиться к командиру полка, в котором когда-то служил, и попросить его, чтобы он поискал добровольцев.

– Но откуда вы знали, что я заблудился? – спросил я.

– Кучер вернулся сюда с остатками своего экипажа, который опрокинулся на ходу, когда лошади понесли.

– Но, разумеется, вы не стали бы отправлять военный поисковый отряд только из-за этого?

– О нет, – ответил он. – Но еще до прибытия кучера я получил телеграмму от боярина, чьим гостем вы являетесь.

С этими словами он достал из кармана телеграмму, передал ее мне, и я прочитал:

Bistritz ²

Позаботьтесь о моем госте: его безопасность чрезвычайно дорога для меня. Если с ним что-то случится или он пропадет без вести, не считайтесь с расходами, чтобы найти его и обеспечить его безопасность. Он англичанин, а следовательно, имеет склонность к приключениям. Ночью путникам часто угрожает опасность от снежных буранов и волков. Не теряйте ни минуты, если подозреваете, что он попал в беду. Ваше рвение будет вознаграждено за счет моего состояния.

Дракула

Когда я держал телеграмму в руке, комната как будто начала вращаться вокруг меня, и если бы внимательный метрдотель вовремя не подхватил меня, то я бы непременно упал. Во всем это было нечто настолько странное и невообразимое, что во мне росло ощущение двух противоборствующих сил, сама мысль о которых как будто парализовала меня. Я определенно находился под некой таинственной защитой. Сообщение, пришедшее из далекой страны в самый последний момент, спасло меня от непробудного снежного сна и волчьих челюстей.

² Бистрица, река в Румынии (нем.).

Дом Судьи

Когда приблизилось время экзамена, Малькольм Малькольмсон решил отправиться куда-нибудь и заняться чтением. Он опасался соблазнов морского побережья, но его страшило и сельское уединение, поэтому он решил найти непритязательный городок, где ничто не будет отвлекать его. Он воздержался от дружеских предложений, поскольку каждый из друзей стал бы рекомендовать знакомое место, где у него имелись приятели. Поскольку Малькольмсон хотел избегать знакомых людей и не имел желания пользоваться вниманием их знакомых, он решил выбрать наугад. Он собрал портмоне с необходимой одеждой и книгами, а потом взял билет до первого места в железнодорожном расписании, название которого было ему незнакомо.

После трехчасовой поездки, когда он высадился в Бенчерче, то тешился мыслью о том, что хорошо запутал следы и получил возможность мирно заниматься своими исследованиями. Он отправился в единственную гостиницу этого сонного городка и подготовил все необходимое для ночлега. В Бенчерче имелся сельский рынок, поэтому раз в три недели он был переполнен приезжими, но в остальные дни был не более привлекательным, чем пустыня. День за днем Малькольм старался найти место, еще более тихое и уединенное, чем в его гостинице «Добрый путник». Лишь одно из таких мест привлекло его внимание, и оно несомненно удовлетворяло его самые смелые представления о тишине и покое; здесь более подошло бы слово «опустошение», а не «уединение». Это был старый, беспорядочно построенный, но еще крепкий дом в стиле короля Якова с массивной коньковой крышей и необычно маленькими окнами, установленными выше обычного, и обнесенный прочной кирпичной стеной. Действительно, при осмотре он больше напоминал укрепленный форт, чем обычное жилье.

«Вот оно, – подумал он. – То самое место, которое я искал, и если я смогу получить его, то буду совершенно счастлив». Он еще больше возрадовался, когда убедился в том, что сейчас оно необитаемо.

На почте он узнал имя агента по недвижимости, который был необыкновенно удивлен предложением сдать в аренду часть старого дома. Мистер Кэрнфорд, местный юрист и агент по недвижимости, оказался добродушным пожилым джентльменом и откровенно признал свое удовлетворение тем обстоятельством, что кто-то желает поселиться в доме.

– Откровенно говоря, от лица владельцев я буду только рад сдавать дом любым постояльцам бесплатно даже в течение нескольких лет, лишь бы видеть, что кто-то живет там. Он так долго пустовал, что вокруг него собралась целая масса нелепых предрассудков, которые лучше всего будет развеять наличием жильцов, если бы только... – тут он лукаво посмотрел на Малькольмсона, – ...если бы только здесь не поселился ученый, жаждущий тишины и покоя.

Малькольмсон решил, что нет смысла расспрашивать о «нелепых предрассудках»; он понимал, что если захочет, то получит подробные сведения об этом месте. Он оплатил трехмесячную аренду, получил квитанцию с именем пожилой женщины, которая, вероятно, согласится обслуживать его, и ушел с ключами в кармане. Затем он направился к владелице постоялого двора, которая была доброй и жизнерадостной женщиной, и спросил у нее, какие вещи и припасы ему потребуются. Она потрясенно всплеснула руками, когда узнала, где он решил поселиться.

– Только не в Доме Судьи! – воскликнула она и побледнела. Малькольмсон объяснил расположение дома и добавил, что не знал его название. Когда он закончил, она сказала:

– Да, это то самое место! Дом Судьи, будь он проклят!

Он попросил рассказать о происхождении названия и об источнике дурных слухов. Она рассказала, что дом получил такое название много лет назад – она точно не знает, но полагает, что с тех пор прошло больше ста лет, – когда там жил судья, которого все страшились из-

за непомерной жестокости его приговоров обвиняемым на выездных судебных сессиях. Что касалось самого дома, она не могла сказать ничего особенного. Она часто спрашивала, но никто не мог точно ответить; было лишь общее ощущение чего-то дурного, и за все свои деньги из Дринкуотерского банка она не осталась бы в этом доме даже на один час. Потом она извинилась перед Малькольмсоном за свои тревожные речи.

– Это нехорошо с моей стороны, сэр, но прошу меня извинить, тоже нехорошо, что вы – такой молодой джентльмен! – собираетесь жить там совсем один. Если бы вы были моим сыном, опять-таки прошу прощения, я не отпустила бы вас и на одну ночь, даже если бы отправилась туда сама и установила большой набатный колокол на крыше!

Она была так откровенна и так добра в своих намерениях, что Малькольмсон поневоле был тронут ее излияниями. Он сказал, как ему приятно такое внимание к его персоне, и добавил:

– Но, моя дорогая миссис Уитхэм, вам вовсе не стоит беспокоиться обо мне. Человеку, который готовится к математическому экзамену в Кембридже, приходится слишком много думать, чтобы уделять хотя бы краешек своего ума каким-то тайнам. Гармоническая прогрессия, преобразования и совмещения, а также эллиптические функции будут достаточно глубокими таинствами для меня!

Миссис Уитхэм любезно позаботилась о его поручениях, и он отправился искать пожилую женщину, которую ему порекомендовали. Через два часа, когда он вернулся в Дом Судьи вместе с ней, то обнаружил миссис Уитхэм собственной персоной, ожидавшую нескольких мужчин и мальчиков с объемистыми пакетами, и помощника мебельщика с кроватью в экипаже, – ибо, по ее словам, хотя столы и стулья находились в приличном состоянии, но кровать не проветривалась уже более пятидесяти лет и никак не подходила для молодого человека. Она проявила любопытство к дому, и несмотря на деланный страх перед «чем-то» – такой сильный, что при малейшем звуке она хваталась за Малькольмсона, – она обошла весь дом.

После осмотра дома Малькольмсон решил сделать своим главным обиталищем столовую, которая была достаточно просторной и удовлетворяла всем его требованиям, а миссис Уитхэм вместе с домработницей миссис Демпстер принялась устраивать остальные дела. Когда крытые корзины были доставлены и распакованы, Малькольмсон с благодарностью убедился в том, что она доставила ему достаточно продуктов со своей кухни, чтобы протянуть несколько дней. Перед уходом она осыпала его всевозможными добрыми пожеланиями и добавила:

– Наверное, сэр, поскольку это большая и продуваемая комната, будет полезно установить большие ширмы вокруг вашей кровати, – хотя, по правде говоря, я сама бы умерла от страха перед привидениями!

Образ, который она вызвала в своем воображении, был слишком чувствительным для ее нервов, и она поспешила удалиться.

Миссис Демпстер высокомерно фыркнула, наблюдая за ее отъездом, и заметила, что сама она не испытывает ни капли страха перед призраками.

– Вот что я вам скажу, сэр, – проворчала она. – Призраки могут являться в облики всевозможных вещей. Крысы, мыши и жуки, скрипучие двери и разбитые окна, заедающие ящики и ржавые рукоятки, которые выпадают из гнезд посреди ночи. Посмотрите на эту стенную панель: ей уже больше ста лет! Как вы думаете, там нет крыс или тараканов? И вы полагаете, сэр, что не увидите их? Я говорю, что призраки – это крысы, и не думайте ничего другого!

– Миссис Демпстер, – серьезно ответил Малькольмсон и отвесил вежливый поклон. – Вы знаете больше, чем лучший студент математики! И позвольте сказать, что в качестве высокой оценки вашего несомненного здравомыслия и душевной трезвости я уступаю вам право владения этим домом и позволю вам остаться здесь через два месяца после моего отъезда, ибо четырех недель будет вполне достаточно.

– Искренне благодарю вас, сэр, – ответила она. – Но я не могу спать за пределами своего дома. Я живу в богадельне Гриншоу, и если я проведу хотя бы одну ночь под другой крышей, то лишусь единственного жилья. Там очень строгие правила, и есть много желающих занять вакантное место, так что я не могу рисковать. Не считая этого обстоятельства, сэр, я буду рада приходить сюда и заботиться о домашнем хозяйстве, пока вы живете здесь.

– Сударыня, – поспешно ответил Малькольмсон. – Я выбрал это место ради уединения, и можете поверить, что я благодарен покойному мистеру Гриншоу за организацию столь замечательной богадельни – ведь теперь я избавлен от главного искушения! Сам святой Антоний не мог бы пожелать большего!

Пожилая женщина хрипло рассмеялась.

– Ах молодые джентльмены! – сказала она. – Вы ничего не боитесь, а в таком месте вы получите доподлинное уединение.

Она приступила к уборке, а вечером, когда Малькольмсон вернулся с прогулки – он всегда брал с собой какую-нибудь книгу для изучения на природе, – то обнаружил, что его комната прибрана и чисто выметена, в старом камине пылает огонь, горит лампа, а на столе накрыт ужин, приготовленный из превосходной снеди миссис Уитхэм.

– Вот это настоящий уют! – произнес он, потирая руки.

После ужина, когда Малькольмсон поставил поднос с посудой на другом конце большого обеденного стола, он снова достал книги, подложил дров в камин, подровнял фитиль лампы и приступил к серьезной работе. Он безостановочно читал и вел записи до одиннадцати вечера, а потом немного отвлекся, чтобы подложить еще дров, снова подровнять фитиль и заварить себе чаю. Ему всегда нравился этот напиток, и во время учебы в колледже он допоздна засиживался за работой и пил чай. Все остальное было для него непозволительной роскошью, но чай он поглощал с удовольствием и в большом количестве. Огонь в камине полыхал, сыпал искрами и отбрасывал причудливые тени на стены старинной столовой, пока он потягивал горячий чай и наслаждался ощущением своей обособленности от других представителей человеческого рода. Тогда он впервые заметил, какой шум производят крысы.

«Они не могли так возиться все время, когда я был занят чтением, – подумал он. – Иначе я бы непременно услышал это!»

Теперь, когда шум усилился, он довольствовался мыслью о том, что это новое ощущение. Было очевидно, что сначала крысы испугались его присутствия, огня в камине и света лампы, но со временем они осмелели и теперь резвились, как хотели.

Как шумно они возились, и какие странные звуки они издавали! Стуча коготками, они шатались вверх-вниз за стенными панелями и над потолком; они что-то грызли, скреблись и царапались. Малькольмсон улыбнулся, когда вспомнил слова миссис Демпстер: «Призраки – это крысы, и не думайте ничего другого!» Когда чай начал оказывать стимулирующий эффект на его интеллект и нервную систему, он с радостью предвкушал еще один долгий период усердной работы до конца ночи. Это придало ему уверенности, и Малькольмсон решил хорошенько осмотреть комнату. Он взял лампу и стал бродить вокруг, удивляясь, почему такой необычный и красивый старинный дом так долго простоял заброшенным. Дубовые стенные панели были покрыты тонкой резьбой, особенно прекрасной и редкостной вокруг дверей и окон. На стенах висели старинные картины, но они были так густо покрыты пылью и грязью, что он не мог рассмотреть никаких подробностей, хотя держал лампу высоко над головой. Тут и там он замечал, как из трещины или дыры на мгновение высовывается крысиная мордочка с яркими глазами, блестящими в свете лампы, но в следующее мгновение она исчезала, оставляя за собой только писк и шорох бегущих лапок. Но больше всего его поразила веревка от большого набатного колокола на крыше, висевшая с правой стороны от камина. Он пододвинул ближе к огню дубовый стул с высокой резной спинкой и сел допивать последнюю кружку чая. Покончив с этим, он поправил дрова в очаге и вернулся к работе, усевшись на краю стола, так что

огонь находился слева от него. Какое-то время мыши беспокоили его своей неустанной возней, но он привык к шуму, как люди привыкают к тиканью часов или к реву бегущей воды; кроме того, он настолько погрузился в свои изыскания, что все остальное, кроме решения текущей задачи, перестало существовать для него.

Внезапно он поднял голову, хотя еще не решил задачу. Воздух был наполнен тем пред-
рассветным ощущением, которого так страшится всяческая нечисть. Крысы прекратили свою
возню. Малькольмсон казалось, что это произошло совсем недавно, и воцарившаяся тишина
потревожила его, оторвав от работы. Огонь уже почти не горел, но от углей шло темно-красное
сияние. Внезапно он вздрогнул, несмотря на свое *sang froid* ³.

На дубовом стуле с высокой спинкой справа от камина сидела огромная крыса, злобно
смотревшая на него. Он сделал угрожающий жест, чтобы прогнать ее, но крыса не двинулась
с места. Тогда он сделал вид, будто что-то бросает в ее сторону. Существо все равно не поше-
велилось, но сердито оскалило длинные белые зубы, а его глаза в свете лампы засверкали с
еще большей жестокостью.

Малькольмсон был изумлен такой наглостью; схватив кочергу, валявшуюся возле очага,
он устремился вперед с намерением прикончить незваную гостью. Но прежде, чем он успел
нанести удар, крыса спрыгнула на пол, побежала к веревке набатного колокола и полезла
вверх, вскоре исчезнув из виду там, куда не проникал свет лампы с зеленым абажуром. Как ни
странно, после этого шумная крысиная возня за стенными панелями сразу же возобновилась.

К тому времени Малькольмсон совсем отвлекся от решения задачи, поэтому, когда прон-
зительный петушиный крик возвестил о приближении утра, он лег в постель и заснул.

Он спал так крепко, что не проснулся даже с приходом миссис Демпстер, которая пришла
убирать его комнату. Лишь когда она навела порядок, приготовила завтрак и постучала по
ширме, отгораживавшей его кровать, он начал просыпаться. Малькольмсон чувствовал себя
немного утомленным после вчерашней ночной работы, но чашка крепкого чая освежила его.
Он взял книгу и отправился на утреннюю прогулку, прихватив с собой несколько сэндвичей
на тот случай, если решит не возвращаться домой к обеду. Он нашел тихую дорожку между
высокими вязами за пределами города и провел там большую часть дня за изучением трудов
Лапласа. На обратном пути он заглянул к миссис Уитхэм, чтобы поблагодарить ее за доброту.
Когда она увидела его приближение из-за высокого эркерного окна своего кабинета, то сама
вышла ему навстречу и пригласила внутрь. Испытующе посмотрев на него и покачав головой,
она сказала:

– Не переусердствуйте, сэр. Сегодня вы выглядите гораздо более бледным, чем обычно.
Долгая умственная работа в ночные часы никому не приносит пользу! Но расскажите, сэр, как
вы провели ночь? Надеюсь, хорошо? Вы не представляете, сэр, как я была рада, когда миссис
Демпстер сообщила мне сегодня утром, что с вами все в порядке и что вы крепко спали, когда
она пришла.

– Да, со мной все в порядке, – с улыбкой ответил он. – И «что-то дурное» пока не беспо-
коило меня. Только крысы; но, доложу я вам, что за цирк они устраивают по всему дому! Там
была одна, точь-в-точь старый дьявол, которая уселась на мой стул у камина и не желала ухо-
дить, пока я не припугнул ее кочергой. Тогда она вскарабкалась по веревке набатного колокола
и скрылась где-то в стене или на потолке, – я не разглядел из-за темноты.

– Господи, спаси! – воскликнула миссис Уитхэм. – Старый дьявол, сидящий на стуле у
камина! Прошу вас, сэр, будьте осторожнее. Многие слова, сказанные в шутку, оказываются
правдой.

– Что вы имеете в виду? Честное слово, не понимаю.

³ Хладнокровие, самообладание (*фр.*).

– Старого дьявола! Нет, сэр, не нужно смеяться, – добавила она, ибо Малькольмсон от души расхохотался. – Вам, молодым людям, очень просто смеяться над вещами, которые заставляют старших содрогаться от страха. Но не берите в голову, сэр, не берите в голову. Ради бога, смейтесь хоть целыми днями. Разве это не то, чего я желала бы для себя? – И добрая дама широко улыбнулась, симпатизируя его веселью; ее страхи ненадолго отступили.

– О, простите меня, – сказал Малькольмсон, – не считайте меня грубияном, но эта идея была чересчур даже для меня: старый дьявол собственной персоной, восседающий на моем стуле!

При мысли об этом он снова залился смехом, а потом ушел домой ужинать.

В тот вечер крысиная возня началась раньше; в сущности, она продолжалась и до его прибытия и прекратилась лишь на короткое время, когда его присутствие потревожило крыс. После ужина он некоторое время сидел у камина и курил, а потом расчистил место на столе и принялся за работу, как раньше. Сегодня крысы были еще более оживленными, чем вчера вечером. Как они шныряли вверх и вниз за стенными панелями, под полом и над потолком! Как они скреблись, грызлись и попискивали! Постепенно смелея, они высовывались из нор, щелей и потаенных уголков, так что их глаза светились словно крошечные лампы в отблесках огня, плававшего в камине. Но ему, уже привыкшему к их присутствию, крысиные глаза не казались злобными; их игривость даже трогала его. Иногда самые смелые из них совершали вылазки на пол или вдоль стенных карнизов. Время от времени, когда они становились особенно надоедливыми, Малькольмсон издавал звуки, чтобы отпугнуть их, хлопая ладонью по крышке стола или свирепо шепча «хш! хш!», так что они разбегались по своим норам.

Вечер незаметно перешел в ночь, и, несмотря на шум, Малькольмсон все глубже погружался в свою работу.

Он сразу же остановился после того, как внезапно наступила полная тишина. Ни малейшего шороха, ни попискивания: тихо, как в могиле. Он вспомнил странное происшествие, случившееся вчерашней ночью, рефлекторно посмотрел на стул, стоявший у камина, и его пронзило необычное ощущение.

Как и вчера, на стуле сидела та самая огромная крыса, уставившаяся на него злобным взглядом.

Он схватил ближайшее, что нашлось под рукой, – справочник логарифмов – и швырнул в крысу. Прицел был неточным, и тварь не пошевелилась, поэтому он повторил вчерашний трюк с кочергой. И снова крыса, преследуемая по пятам, быстро забралась по веревке набатного колокола. И снова ее исчезновение сопровождалось дружным шумом остальной крысиной братии. Как и в прошлый раз, Малькольмсон не смог увидеть, в какой части комнаты исчезла крыса, потому что зеленый абажур лампы оставлял верхнюю часть комнаты в темноте, а угли в камине почти прогорели.

Посмотрев на часы, он обнаружил, что время приближается к полуночи. Не сожалея об этом небольшом дивертисменте, Малькольмсон развел огонь и заварил ночной чай. Он хорошо продвинулся в своей работе и решил вознаградить себя за труды сигаретой; поэтому он устроился на дубовом стуле перед огнем и с удовольствием закурил. За этим занятием ему пришло в голову, что неплохо бы выяснить, куда убежала крыса, поскольку у него имелись определенные замыслы на завтрашний день, во многом связанные с приобретением крысоловки. Он зажег другую лампу и установил ее таким образом, чтобы она хорошо освещала угол стены справа от камина. Потом он собрал все книги, которые имел при себе, и расположил их поудобнее для прицельного бомбометания. Наконец он поднял веревку набатного колокола и положил ее конец на стол, закрепив под лампой. При этом он невольно отметил необыкновенную гибкость веревки для такой толщины и при том, что ею давно не пользовались. «На ней можно кого-нибудь повесить», – подумал он. Покончив с этими приготовлениями, он огляделся по сторонам и благодушно произнес:

– Ну вот, друг мой, – думаю, на этот раз мы лучше познакомимся с тобой!

Он снова приступил к работе, и хотя поначалу крысиная возня, как и раньше, немного отвлекала его, вскоре он увлекся своими задачами и предположениями.

Через некоторое время ему снова пришлось обратиться к своему непосредственному окружению. На этот раз не внезапная тишина привлекла его внимание, а легкое движение веревки и шевеление лампы. Не шевелясь, он убедился в том, что разложенные книги находятся под рукой, а потом посмотрел вверх и увидел, как огромная крыса упала с веревки на дубовый стул и злобно воззрилась на него. Он взял книгу в правую руку, тщательно прицелился и метнул ее в крысу. Последняя одним быстрым движением отпрянула в сторону и уклонилась от снаряда. Он взял другую книгу, потом третью и стал швырять их одну за другой, но каждый раз безуспешно. Наконец, когда он встал из-за стола с книгой, готовой к броску, крыса запищала и как будто испугалась. Это лишь раззадорило Малькольмсона, и очередной снаряд с глухим звуком угодил точнехонько в крысу. Она издала жуткий визг и бросила на своего гонителя взгляд, исполненный неизменной злобы, а потом взобралась на спинку стула, совершила громадный прыжок к веревке набатного колокола и молнией метнулась наверх. Лампа закачалась под неожиданной нагрузкой, но подставка была тяжелой, и она не опрокинулась. Малькольмсон не сводил глаз с крысы и при свете второй лампы увидел, как она перепрыгнула на стенной карниз и исчезла в дыре за одной из картин в массивных рамах, висевших на стене, скрытой под слоем пыли и грязи.

– Утром я разведаю твое обиталище, друг мой, – пообещал студент. – Третья картина от камина; теперь я не забуду.

Он принялся собирать свои книги, называя их по заглавиям:

– «Конические сечения» оказались бесполезными, как и «Циклоидные осцилляции». Так... Это не «Начала Ньютона», не «Четвертичные структуры» и не «Термодинамика». Вот книжка, которая угодила в цель!

Малькольмсон поднял книгу и посмотрел на нее. Он вздрогнул, и по его лицу внезапно разлилась бледность. Тревожно оглядевшись по сторонам, он поежился и пробормотал:

– Библия, которую дала мне мать! Что за странное совпадение...

Он снова уселся за работу, а крысы в стенах возобновили свою шумную возню. Теперь они не беспокоили его; их присутствие каким-то образом внушало ему ощущение товарищества. Но он не мог сосредоточиться на работе и после безуспешных попыток вернуться к теме, еще недавно занимавшей его, опустил руки и ушел спать, когда первые лучи рассвета затеплились в восточном окне.

Его сон был тяжелым и беспокойным. Он видел разные сны, и когда миссис Демпстер разбудила его поздно утром, он был не в своей тарелке и несколько минут не вполне осознавал, где находится. Его первая просьба удивила домработницу:

– Миссис Демпстер, пока меня сегодня не будет, я бы хотел, чтобы вы взяли лесенку и очистили от пыли или отмыли эти картины, особенно третью от камина. Я хочу увидеть, что это такое.

Днем Малькольмсон работал со своими книгами в целительной тени деревьев. Со временем вчерашняя жизнерадостность вернулась к нему, и он убедился, что дело продвигается вперед. Он нашел удовлетворительное решение всех задач, которые до сих пор ставили его в тупик, и находился в приподнятом состоянии, когда нанес визит миссис Уитхэм в «Добром путнике». В уютной гостиной он обнаружил хозяйку в обществе незнакомого человека, которого ему представили как доктора Торнхилла. Она была немного не в себе, и это обстоятельство, наряду с многочисленными вопросами доктора, привело Малькольмсона к заключению, что его присутствие было не случайным. Поэтому он без обиняков заявил:

– Доктор Торнхилл, я с удовольствием отвечу на любые ваши вопросы, если вы сначала ответите на один мой вопрос.

Доктор казался удивленным, но потом улыбнулся и сказал:

– Согласен. Что вы хотите знать?

– Это миссис Уитхэм попросила вас прийти сюда, осмотреть меня и дать мне рекомендации?

Доктор Торнхилл на мгновение смеялся, а миссис Уитхэм густо покраснела и отвернулась. Но он был прямым и откровенным человеком, поэтому сразу же ответил:

– Да, этот так, хотя она не хотела, чтобы вы узнали об этом. Полагаю, моя неуклюжая спешка навела вас на подозрения. Она сказала мне, как ей не нравится, что вы остаетесь в этом номере наедине с собой; еще она думает, что вы пьете слишком много крепкого чая. В сущности, она хочет, чтобы я порекомендовал вам временно отказаться от чая и от привычки много работать по ночам. В свое время я был усердным студентом, поэтому думаю, что могу позволить себе такую вольность, будучи выпускником колледжа, и без обид поделиться своим мнением с собратом по науке.

Малькольмсон с радостной улыбкой протянул руку.

– Пожмем руки, как говорят в Америке, – сказал он. – Должен поблагодарить вас за участие, а миссис Уитхэм за ее доброту, а ваша честность заслуживает вознаграждения. Я обещаю больше не заваривать крепкий чай и вообще не пить его до вашего разрешения, и сегодня я отправлюсь в постель не позднее часу ночи. Сойдет?

– Отлично, – сказал доктор. – Теперь расскажите нам, что вы видели в старом доме.

И Малькольмсон подробнейшим образом рассказал обо всем, что происходило в последние две ночи. Время от времени его прерывали восклицания миссис Уитхэм, а когда он наконец поведал об эпизоде с Библией, сдерживаемые чувства хозяйки гостиницы нашли выход в приглушенном вскрике. Она совладала с собой лишь после того, как ей налили щедрую порцию бренди пополам с водой. Доктор Торнхилл продолжал слушать со все более серьезным лицом, а когда рассказ был окончен, то спросил:

– Крыса всегда поднималась по веревке набатного колокола?

– Всегда.

– Полагаю, вам известно, что это за веревка? – спросил доктор после некоторой паузы.

– Нет.

– Это, – медленно произнес доктор, – та самая веревка, которой пользовался палач, когда вешал жертв незаконной злобы покойного судьи!

Здесь его речь была прервана очередным криком миссис Уитхэм, и пришлось предпринимать очередные шаги для того, чтобы привести ее в чувство. Малькольмсон, посмотревший на часы и обнаруживший, что время близится к ужину, был вынужден удалиться до ее полного выздоровления.

Когда миссис Уитхэм снова пришла в себя, то обрушилась на доктора с сердитыми вопросами: о чем он думал, когда вкладывал такие ужасные мысли в голову бедного молодого человека.

– Он пробыл там уже достаточно, чтобы у него помутился рассудок, – добавила она.

– Дорогая мадам, у меня была определенная цель, – ответил доктор. – Я хотел привлечь внимание молодого человека к веревке и закрепить его там. Возможно, он находится в чересчур взвинченном состоянии и слишком утруждает себя занятиями, но я вынужден признать, что он пребывает в духовном и телесном здравии, характерном для людей в его возрасте... но крысы, да еще это предположение о дьяволе! – Доктор покачал головой и продолжал: – Я бы предложил остаться с ним в доме этой ночью, но уверен, что такое предложение оскорбило бы его. Возможно, у него есть какой-то тайный страх, или же он видит галлюцинации; в таком случае мне хотелось бы, чтобы он потянул за эту веревку. Тогда он волей-неволей предупредит нас, и мы сможем успеть вовремя, чтобы оказать помощь. Сегодня я собираюсь

сидеть допоздна и держать уши открытыми. Не пугайтесь, если до утра Бенчерч получит сюрприз.

– Ах, доктор, о чем вы говорите? Что вы имеете в виду?

– Я хочу сказать, что возможно, – нет, весьма вероятно, – сегодня мы услышим звон набатного колокола в Доме Судьи, – с этими словами доктор поклонился и поспешил уйти.

Когда Малькольмсон вернулся домой с небольшим опозданием, то обнаружил, что миссис Демпстер уже ушла: ей не стоило пренебрегать правилами богадельни Гриншоу. Он был рад видеть, что в доме чисто, в камине ярко пылает огонь, а фитиль лампы ровно обрезан. Вечер был холоднее, чем можно ожидать в апреле, и ветер задувал с такой силой, что вполне можно было ожидать ночной бури с грозой. В течение нескольких минут после его прихода крысиное копошение прекратилось, но как только они привыкли к его присутствию, все началось снова. Малькольмсон был рад слышать их, потому что вновь испытал товарищеское ощущение по отношению к их возне, и его мысли вернулись к тому странному обстоятельству, что они умолкали лишь в тех случаях, когда на сцене появлялась огромная крыса со злобными глазами. Фитиль лампы для чтения был прикручен, поэтому потолок и верхняя часть комнаты оставались в темноте, но бодрящий свет от камина разливался по полу и озарял приветливым теплым сиянием белую скатерть, расстеленную на столе. Малькольмсон уселся за стол с хорошим аппетитом и в добром расположении духа. После ужина и сигареты он сразу же приступил к работе, настроившись ни на что не отвлекаться, ибо помнил о своем обещании доктору и решил как можно лучше воспользоваться временем, имевшимся в его распоряжении.

Около часа он усердно трудился, но потом его мысли начали отвлекаться от книг. Необычные обстоятельства, призывы к его вниманию и повышенная нервная чувствительность – от всего этого трудно было отделаться. К тому времени ветер превратился в буран, а буран перерос в бурю. Старый дом, хотя и достаточно прочный, как будто сотрясся до основания, пока ветер ярился и завывал в каминных трубах и пазах коньковой крыши, производя странные неземные звуки в пустых комнатах и коридорах. Даже большой набатный колокол на крыше ощутил силу ветра, потому что веревка приподнималась и опускалась, как будто колокол слегка раскачивался, и узел на ее конце падал на пол с глухим стуком.

Пока Малькольмсон прислушивался, он вспомнил слова доктора: «Это та самая веревка, которой пользовался палач, когда вешал жертв беззаконной злобы покойного судьи». Он подошел к углу камина и взял ее в руки, чтобы рассмотреть получше. В ней была какая-то смертоносная привлекательность, и когда он стоял там, то терялся в догадках, кем были все эти жертвы и что стояло за зловещим пожеланием судьи иметь такую жуткую реликвию прямо перед глазами. Колокол на крыше время от времени приподнимал веревку, но потом по ней пробежала дрожь, как будто что-то двигалось наверху.

Малькольмсон посмотрел вверх и увидел огромную крысу, медленно ползущую к нему и сверлившую его неподвижным взглядом. Со сдавленным проклятием он отпустил веревку и отшатнулся, а крыса развернулась, побежала вверх и исчезла. В то же мгновение Малькольмсон услышал крысиную возню, которая на время прекратилась.

Это навело его на мысль о том, что он так и не исследовал логово крысы и не осмотрел картины, как намеревался сделать. Он зажег другую лампу без абажура, и, высоко подняв ее, остановился перед третьей картиной справа от камина, за которой спряталась крыса, что он видел предыдущей ночью.

Только взглянув на картину, он вздрогнул и попятился так быстро, что едва не уронил лампу. Его лицо смертельно побледнело, колени тряслись, лоб покрылся крупными каплями пота, и он дрожал как осиновый лист. Но он был молодым и решительным, поэтому быстро собрался с силами и уже через несколько секунд снова шагнул вперед, поднял лампу и изучил картину, очищенную от пыли и отмытую дочиста.

На ней был изображен судья в алой мантии с горностаевой оторочкой. Его лицо было волевым и безжалостным, злобным, коварным и мстительным – с чувственным ртом и крючковатым багровым носом, похожим на клюв хищной птицы. Глаза были необычно яркими и невероятно злобными. Глядя на них, Малькольмсон похолодел, ибо увидел несомненное сходство с глазами огромной крысы. Лампа едва не выпала из его руки, когда в комнате наступила тишина, и он увидел крысу, угрожающе смотревшую на него из дырки в углу картины. Тем не менее он совладал с собой и продолжил осмотр.

Судья восседал на резном дубовом стуле с высокой спинкой по правую руку от большого каменного камина, а в углу комнаты с потолка свисала веревка, конец которой был свернут в петлю на полу. С чувством, похожим на ужас, Малькольмсон узнал комнату, в которой он находился. Он потрясенно огляделся, как будто ожидал увидеть некое странное присутствие за спиной, а когда его взгляд переместился за угол камина, он с громким криком выронил лампу.

На стуле с высокой спинкой, рядом со свисающей веревкой, сидела крыса со злобными глазами судьи, чей блеск только усилился; теперь в ее взгляде сверкало жестокое торжество.

Упавшая лампа привела Малькольмсона в чувство. К счастью, она была металлической, поэтому масло не пролилось наружу. Необходимость выполнить простое действие успокоила его разыгравшиеся нервы. Погасив лампу, он вытер лоб и на мгновение задумался.

– Так не пойдет, – сказал он себе. – Если я буду продолжать в таком духе, то сойду с ума. Это должно прекратиться! Я пообещал доктору, что не буду пить чай. Ей-богу, он был совершенно прав! Мои нервы находятся в совершенно расстроенном состоянии; странно, что я этого не заметил. Я в жизни себя так хорошо не чувствовал! Ладно, теперь все в порядке, и я больше не допущу подобных глупостей.

Он смешал себе стакан бренди с водой и решительно уселся за работу.

Примерно через час он оторвался от книги, потревоженный внезапной тишиной. Снаружи ветер продолжал реветь и бушевать с такой же силой, как раньше, и порывы дождя налетали на окно, стуча как град по стеклу; но внутри не раздавалось ни звука, кроме отголосков ветра, задувавшего в каминную трубу, да тихого шипения, когда редкие капли дождя падали в очаг. Огонь почти погас, и угли отбрасывали красноватые отблески. Малькольмсон прислушался и вскоре услышал тонкий, слабый шорох. Звук доносился из угла комнаты, где висела веревка, и он решил, что это конец веревки, прошелестевший по полу. Но когда он посмотрел вверх, то увидел в тусклом свете огромную крысу, которая прильнула к веревке и грызла ее. Веревка была уже прогрызена почти насквозь, и он видел светлые внутренние волокна. Пока он наблюдал, работа была завершена, и отгрызенный конец веревки с глухим стуком упал на дубовый пол, в то время как крыса оставалась наподобие узла или кисти на конце уцелевшей веревки, которая начала раскачиваться взад-вперед. Малькольмсон на мгновение испытал очередной приступ ужаса, когда подумал о том, что возможность вызвать подмогу оказалась утраченной. Но потом ужас сменился сильнейшим гневом. Он схватил увесистую книгу и швырнул в крысу. Бросок был прицельным, но в последний момент крыса отцепилась от веревки и упала на пол с тихим стуком. Малькольмсон немедленно бросился за ней, но крыса метнулась в сторону и растворилась среди теней.

Малькольмсон понимал, что его ночная работа закончена, и решил разнообразить свой монотонный труд охотой на крысу. Поэтому он взял лампу с зеленым абажуром, чтобы обеспечить широкий круг света. Когда он поднял лампу, сумрак в верхней части комнаты рассеялся, и в новом, гораздо лучшем освещении, картины на стене проступили во всех подробностях. Оттуда, где он стоял, Малькольмсон мог хорошо видеть третью картину справа от камина. Он удивленно протер глаза, а потом им овладел великий страх.

В центре картины появился огромный неровный кусок бурого холста, такой же свежий, как в то время, когда его натянули на раму. Задний план остался таким же, как раньше, – со стулом, углом камина и веревкой, – но фигура судьи исчезла.

Малькольмсон, почти оцепеневший от ужаса, медленно повернулся и затрясся, как припадный. Силы совершенно покинули его, и он был не способен действовать, двигаться и даже думать. Он мог только видеть и слышать.

На резном дубовом стуле с высокой спинкой восседал судья в алой мантии с горностаевой оторочкой. Его взгляд был исполнен мстительной злобы, на губах играла торжествующая улыбка, и он держал в руках черную шапочку ⁴. Малькольмсону показалось, что вся кровь отхлынула от его сердца, как бывает в минуты тревожного ожидания. У него звенело в ушах. Снаружи он слышал завывания бури, но за ними доносился отдаленный перезвон полуночных колоколов на рыночной площади. Какой-то бесконечный момент он стоял неподвижно, как статуя с широко открытыми, полными ужаса глазами, безмолвный и почти бездыханный. Когда раздался перезвон, торжествующая улыбка на лице судьи стала еще шире, и с последним ударом колокола он надел на голову черную шапочку.

Потом судья медленно и демонстративно поднялся со стула и подобрал кусок веревки от набатного колокола, лежавший на полу. Он пропустил веревку между пальцами, словно наслаждаясь ее прикосновением, а затем стал неспешно завязывать узел на ее конце, формируя мертвую петлю. Он закрепил узел и ногой опробовал его на прочность, удовлетворенно кивнул и соорудил затяжной узел, который он взял в правую руку. Потом он двинулся вокруг стола с противоположной стороны от Малькольмсона, не сводя с него глаз, пока не прошел мимо и одним быстрым движением оказался у входной двери. Малькольмсон начал понимать, что он оказался в ловушке, и попытался решить, что нужно делать. Взгляд судьи обладал некой притягательной силой, и он был вынужден смотреть ему в лицо. Он увидел, как судья шагнул к нему, по-прежнему держась между ним и дверью, поднял удавку и швырнул в его сторону, как будто желая поймать его. С огромным усилием он уклонился; петля пролетела мимо и упала на пол. Судья подтянул веревку к себе и повторил попытку, не сводя с него злобного взгляда, и снова студент успел отскочить в сторону. Так продолжалось много раз, и судья не казался разочарованным или раздосадованным, но просто играл со своей жертвой, как кошка с мышкой. Наконец, когда его отчаяние достигло максимума, Малькольмсон быстро огляделся по сторонам. Лампа продолжала гореть, и комната оставалась хорошо освещенной. В многочисленных норах и темных уголках он видел крысиные глазки, наблюдавшие за ним, и этот чисто физический аспект давал ему слабое утешение. Он посмотрел вверх и увидел, что веревка набатного колокола была усеяна крысами. Каждый ее дюйм был покрыт их телами, и все больше крыс прибывало из маленькой круглой дыры в потолке, так что колокол начал раскачиваться под их весом.

И вот чугунный язык наконец коснулся поверхности колокола. Звук был очень тихим, но колокол только начинал раскачиваться.

При звуке колокола судья, до тех пор не сводивший глаз с Малькольмсона, посмотрел вверх, и его лицо исказилось от чудовищного гнева. Его глаза горели, как раскаленные угли, и он топнул ногой с такой силой, что весь дом как будто сотрясся до основания. Сверху донесся жуткий раскат грома, когда он снова поднял веревку, но крысы продолжали раскачивать колокол, как будто играли наперегонки со временем. На этот раз вместо того, чтобы бросить веревку, он приблизился к жертве и растянул петлю на ходу. В самом его присутствии было нечто парализующее, и Малькольмсон оцепенел, как труп. Он чувствовал, как ледяные пальцы судьи прикоснулись к его горлу, пока тот прилаживал веревку. Петля затянулась туго. Потом судья, без усилий поднявший на руки оцепеневшее тело студента, перенес его и поставил в стоячем положении на дубовый стул. Затем он поднялся к нему, протянул руку и поймал болтавшийся конец веревки набатного колокола. Когда он поднял руку, крысы с писком разбежались и исчезли в дыре на потолке. Взяв конец веревки с петлей, затянутой на шее Маль-

⁴ По обычаю, судья надевает черную шапочку при вынесении смертного приговора (*прим. пер.*).

кольмсона, он прикрепил ее к веревке набатного колокола, потом спустился и вышиб стул из-под ног студента.

Когда зазвонил набатный колокол в доме судьи, на улице вскоре собралась толпа. Появились лампы и факелы разного рода, и вскоре люди молча устремились к проклятому месту. Они громко стучали в дверь, но никто не ответил. Тогда они взломали дверь и ворвались в столовую во главе с доктором.

Там, на конце веревки большого набатного колокола, свисало тело студента, а на лице судьи на картине играла злобная торжествующая улыбка.

Скво

В то время Нюрнберг не был так широко разрекламирован, как сейчас. Ирвинг еще не исполнил свою роль в «Фаусте»⁵, и само название старинного города было мало известно большинству путешественников. Мы с женой, находясь на второй неделе нашего медового месяца, испытывали естественное желание, чтобы кто-то еще присоединился к нашей компании, поэтому когда приветливый незнакомец, именовавший себя Элиасом П. Хатчисоном из Истмиан-сити в Кровавом ущелье из графства Мэпл-Три, штат Небраска, познакомился с нами на вокзале во Франкфурте и небрежно заметил, что он собирается посмотреть на «самый невообразимо древний город в Европе»⁶ и что столь долгие одинокие странствия вдали от родины могут отправить деятельного и умственно активного гражданина в «палату для меланхоликов» в сумасшедшем доме, мы поняли недвусмысленный намек и предложили объединить наши силы. Впоследствии, сравнив свои записи, мы обнаружили, что каждый из нас предполагал говорить с определенной застенчивостью или нерешительностью, что было не особенно похвальным для нашей грядущей супружеской жизни, – но этот эффект совершенно расстраивался из-за того, что мы начинали говорить одновременно, потом дружно умолкали и снова начинали хором. Так или иначе, дело было сделано, и Элиас П. Хатчисон стал членом нашей компании. Мы с Амелией сразу же увидели пользу от этого: вместо постоянных ссор, которыми мы занимались раньше, благодаря сдерживающему влиянию третьей стороны мы при каждой возможности старались избегать острых углов. Амелия уверяет, что в результате этого целительного опыта она с тех пор рекомендовала всем своим подругам брать с собой приятеля во время свадебного путешествия. Итак, мы «одолевали» Нюрнберг вместе и получали большое удовольствие от колоритных замечаний нашего американского друга, который, если судить по забавной манере речи и восхитительному набору историй о приключениях, как будто сошел со страниц романа. Последним интересным местом, предназначенным для посещения, был Бург⁷, и в назначенный день мы обогнули внешнюю стену города с восточной стороны.

Бург расположен на скале, возвышающейся над городом, с невероятно глубоким рвом под укреплениями с северной стороны. Жители Нюрнберга гордились тем, что крепость ни разу не подверглась разграблению; в противном случае она бы не выглядела такой безупречно аккуратной, как в наше время. Ров не использовался уже сотни лет, и теперь его ложе было покрыто чайными садами и фруктовыми садами, и некоторые деревья поднимались на значительную высоту. Пока мы обходили стену, наслаждаясь жарким июльским солнцем, то часто останавливались, чтобы полюбоваться видами, которые разворачивались перед нами, в особенности громадной равниной с бесчисленными городками и деревнями, ограниченной голубой волнистой линией холмов, словно на пейзаже Клода Лоррена⁸. Оттуда мы с новым восторгом повернулись к красотам самого города с мириадами причудливых коньковых крыш, покрытых красной черепицей и усеянных слуховыми окнами. Немного правее за ярусами крыш вздымались башни Бурга, а еще ближе стояла мрачная Пыточная Башня, – вероятно, наиболее интересное место в городе. На протяжении столетий предание о нюрнбергской «Железной Деве» передавалось из поколения в поколение как свидетельство ужасной жестокости, на которую способен человек; здесь находилось средоточие этой традиции.

Во время одной из таких пауз мы прислонились к стене надо рвом и посмотрели вниз. Сад находился в пятидесяти или шестидесяти футах внизу, и солнце обдавало его интенсив-

⁵ Генри Ирвинг (1838–1905) – английский актер и сценарист (*прим. пер.*).

⁶ В оригинале используется американский диалект с коверканием некоторых английских слов (*прим. пер.*).

⁷ Бург – Нюрнбергская крепость, средневековая часть города (*прим. пер.*).

⁸ Клод Лоррен (1600–1682) – французский живописец и гравер (*прим. пер.*).

ным неподвижным жаром, словно из печи. Позади поднималась унылая серая стена громадной высоты, поворачивавшая направо и налево через углы бастионов и контрэскарпов. На стене росли кусты и деревья, а еще выше громоздились величественные дома, на чьей массивной красоте Время поставило лишь печать одобрения. Мы разленились под жарким солнцем; нас ничто не торопило, поэтому мы задержались на месте, прислонившись к стене. Прямо под нами развернулось милое зрелище: большая черная кошка растянулась под солнцем, в то время как вокруг нее резвился крошечный черный котенок. Мать помахивала хвостом, приглашая его к игре, или поднимала лапку и игриво отталкивала малыша. Они находились у самого подножия стены, и Элиас П. Хатчисон, пожелавший присоединиться к игре, наклонился и поднял с дорожки небольшой камешек.

– Смотрите! – произнес он. – Я уроню его рядом с котенком, и они будут гадать, откуда он появился.

– Будьте осторожны, – сказала моя жена. – Вы можете ранить это милое создание!

– Только не я, мэм, – ответил Элиас П. Хатчисон. – Я нежен, как вишневое дерево в цвету. Нет, я не больше способен ранить бедного малыша, чем оскальпировать младенца! Смотрите, я брошу камень чуть подальше, чтобы он никого не задел!

С этими словами он наклонился, вытянул руку и выпустил камень. Вероятно, существует некая сила, притягивающая большие вещи к малым, – или, что более вероятно, стена имела обратный уклон возле основания, который мы не заметили раньше, – но камешек с тошнотворным стуком, донесшимся до нас в разогретом воздухе, угодил прямо в голову котенку и расплескал мозги из его пробитой головки. Черная кошка быстро взглянула вверх, и мы увидели, как ее глаза, похожие на зеленый огонь, на мгновение остановились на Элиасе П. Хатчисоне. Потом ее внимание вернулось к котенку, который лежал неподвижно, подрагивая крошечными лапками, пока тонкая красная струйка вытекала из зияющей раны. С приглушенным вскриком, какой могло бы издать человеческое существо, она склонилась над котенком, вылизывая его рану и испуская протяжные стоны. Внезапно она как будто поняла, что он мертв, и снова посмотрела на нас. Ее зеленые глаза полыхали мрачным огнем, а острые зубы почти сияли под оболочкой крови, запятнавшей ее пасть и бакенбарды. Она обнажила клыки и выпустила когти. Потом она яростно бросилась на стену, словно пытаясь добраться до нас, но сила инерции отбросила ее и сделала ее облик еще более ужасным, ибо она упала на котенка, и ее черная шерсть была запятнана его кровью и мозгами. Амелия начала падать в обморок, и мне пришлось оттащить ее от стены. Поблизости, в тени раскидистого платана стояла скамейка, куда я усадил ее, чтобы она пришла в себя. Потом я вернулся к Хатчисону, который стоял неподвижно и смотрел на разъяренную кошку вниз.

Когда я присоединился к нему, он сказал:

– Да, пожалуй, это самое дикое животное, какое мне приходилось видеть, – если не считать одной скво из племени апачей, у которой имелся зуб на полукровку, которого прозвали Занозой из-за того, как он поступил с ее малышом, которого похитил во время налета, – просто чтобы показать, как он оценил огненную пытку, которую они раньше устроили для его матери. У нее была такая же свирепая рожа, которая словно приклеилась к ее лицу. Она три года гонялась за этим Занозой, пока ее воины наконец не изловили его и не привели к ней. Говорят, что ни один человек, будь то белый или индеец, не умирал так долго под пытками апачей. Единственный раз я видел ее улыбку, когда стер ее с лица этой скво. Мы прибыли в лагерь как раз вовремя, чтобы увидеть, как Заноза отбросил копыта, и он не слишком жалел об этом. Он был жестким парнем, и хотя я никогда бы не пожал его клешню после того дела с младенцем, – это было бы дрянное дело, и ему следовало бы быть белым человеком из-за его внешности, – но клянусь, он заплатил сполна. Черт меня побери, но я снял кусок его шкуры с одного из свежавальных кольев и сделал себе переплет для записной книжки. Вот она, здесь! – и он похлопал по карману пиджака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.